

МАРИНА
СЕМЕНОВА

1 СЕКОНД

ДАЖЕ
НЕ ЗАЙКАЙСЯ

Марина Михайловна Семенова

О сексе даже не заикайся

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21236181
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Живет на свете девочка Дина, немного несуразная, чуть-чуть невезучая и очень неуверенная в себе. И подруг у нее нет, и мальчики в нее не влюбляются. Зато у нее есть мама, которая рулит жизнью дочери с непобедимым энтузиазмом. И вот заканчивает девочка Дина школу и решает ехать учиться в другой город, в котором живет ее "ненормальная и совершенно безбашенная бабушка". Именно так считает Динина мама и пугает дочь страшным местом, в котором работает ее безумная родственница. Что это за "страшное место" и как сложатся отношения у внучки с эпатажной бабушкой, полностью перевернувшей ее жизнь, можно узнать только по прочтению этой замечательной и светлой повести, написанной, как всегда, легко, с юмором и любовью.

Марина Семенова О СЕКСЕ ДАЖЕ НЕ ЗАЙКАЙСЯ

Я не люблю стариков. И, наверное, буду за это наказана. Беспросветным одиночеством и равнодушием собственных детей. Может быть они даже сдадут меня в дом престарелых. А это, говорят, самое страшное, что только может произойти с людьми в старости.

Но сейчас я не хочу об этом думать. Сейчас мне думать об этом слишком рано. Мне всего семнадцать. Я только что закончила школу в маленьком провинциальном городке... Кстати, почему всегда так говорят в «маленьком провинциальном городке»? Интересно, бывают ли на свете большие провинциальные города?

Вот видите – все люди употребляют привычные словосочетания не задумываясь, а я так не могу. Я всегда задумываюсь. Все, что я слышу или читаю, начинаю подолгу крутить в голове, анализируя и разбирая на пазлы, и порой додумываюсь до самых невероятных вещей. Мысли беспрестанно жужжат и носятся в моей голове, сталкиваясь друг с дружкой или, наоборот, увязают надолго в закоулках моего разу-

ма, в установках моего сознания и эмоциональных ловушках подсознания, обрастая потихоньку, как болотная кочка мхом, страхами и комплексами.

Если другим девочкам родители беспрестанно твердят: «Возьмись за голову! Сядь за уроки! Подумай о своем будущем! У тебя одни гульки на уме!», то со мной все с точностью до наоборот. Мама все время умоляет: «Пойти погуляй, Дина! Сколько можно сидеть дома?! В твоём возрасте я уже встречалась с мальчиками и целовалась!», а папа только тяжело вздыхает и прячется за газетой, потому что, если он вовремя не спрячется, мама непременно переключится на него: «Ну что ты молчишь? Скажи ей хоть ты!»

В свою, особо активную фазу, мама так просто не успокаивается и таки достает папу из-под газеты:

– Тебе что, совсем все равно?!

– Нет, милая, мне не все равно, – отвечает отец очень спокойно, как можно спокойнее.

– Тогда почему ты ей ничего не скажешь?!

– Потому что это – бессмысленно, – мягко улыбается отец, но этот его мимический призыв к умиротворению еще боль-

ше заводит маму. Впрочем, нашу маму заводит абсолютно все. Она, вообще, очень заводная – наша мама.

– То есть, ты находишь нашу дочь бесполезной?! – кипит и пенится мама.

– Я такого не говорил, Лара. У нас замечательная девочка, добрая и умная.

– Но, ты же сказал – бесполезно! – мама закатила глаза и топнула ножкой в тапочке с помпоном.

– Я сказал «бессмысленно», а не «бесполезно», и имел ввиду совершенно не то, что ты услышала! – в голосе отца тоже появляются раздраженные нотки. – Я хотел сказать, что не нужно никого переделывать! Бессмысленно пытаться делать из зайца льва или слона. То, чем любят заниматься твои замечательные коучеры на всевозможных тренингах какого-то там личностного роста.

– Ах, боже мой, сколько сарказма и пренебрежения! – шурится мама и я понимаю, что спор затянется надолго. Родители оседлали свою любимую тему.

Дело в том, что моя мама, обеспокоенная моей неуклюжестью и отсутствием в моей жизни необходимого количества

подруг и хоть какого-нибудь бойфренда, последние два года таскает меня по всевозможным семинарам и мотивационным тренингам по воспитанию женственности, чистке кармы, нахождению целей в жизни и достижению успеха. Она несгибаема уверена, что нашу родовую карму сильно подпортила моя бабушка и папина мама, прожившая, по ее мнению, совершенно безалаберную и безнравственную жизнь. Папа же считает, что «кесарю кесарево» и нечего ломать копья и пытаться сделать из меня тамаду и «душу компании», если мне комфортнее тихо сидеть в углу и помалкивать в тряпочку, часами гоняя в голове свои сложносочиненные мысли.

– Лара, отстань от девочки! Пусть она сама решит, что ей нужно в этой жизни и, главное, чего ей хочется.

– А если она не может сама решить? – разводит руками мама.

– Дорогая, тебе не кажется, что ты противоречишь сама себе? – фыркает папа. – Может это именно ты считаешь ее никчемной, если не веришь, что она не в состоянии сама за себя ничего решить?

Папа торжествует, загнав маму, в угол, но, видимо, торопится праздновать победу.

– Не важно, кто и что из нас считает! Важно – что каждый из нас делает! Я, к примеру, делаю все, чтобы жизнь нашей дочери была полноценной, успешной и интересной!

– Бесконечно таскать ребенка на сомнительные семинары и тренинги, забивая ее и без того забитую голову всякой ерундой, именно *это* ты называешь «делать все»?! К твоему сведению, «успешная» и «интересная жизнь» – это не синонимы!

– Конечно! Сидеть в дохлой конторе за три рубля – это гораздо интереснее, чем возглавлять какую-нибудь преуспевающую фирму.

Мама зло щурится, стараясь, как всегда, ударить по самому больному. Но ударить «больно» не получается, у папы на этом месте наращен приличный мозоль.

– Да! Представь себе! Мне гораздо интереснее сидеть в дохлой конторе за три рубля, чем возглавлять какую-нибудь преуспевающую фирму. И я считаю, что нет смысла пыжиться и надувать щеки, изображая из себя то, чем ты на самом деле не являешься. Сколько грушу не мотивируй – ананасы на ней все равно расти не станут!

– Значит, по-твоему, я пыжусь и надуваю щеки?! – мама переходит на фальцет.

С этого момента родители напрочь забывают обо мне, и у меня появляется замечательный шанс сбежать к себе в комнату и отсидеться там, читая что-нибудь «немотивирующее», но разъяренная мама уже заполнила собой весь дверной проем, и я залажу с ногами в большое кресло, понимая, что придется присутствовать.

– Какая у тебя есть удивительная способность – все разговоры переводить на себя, – говорит отец, уходя от ответа.

– То есть ты хочешь сказать, что я – эгоистка?! – снова взрывается мама, и в ее глазах блестят первые слёзы. – Да я уже забыла, как это – думать о себе! Я уже не помню, когда последний раз была на выставке, в театре или на концерте!

– Это я тебя туда не пускаю?! – передергивает плечами отец.

– Туда меня не пускает твоя мизерная зарплата! Это раньше за три рубля можно было попасть на любой спектакль и на концерт самого известного артиста!! А сейчас?! Ты знаешь, сколько стоит билет на хороший концерт?! Целое состояние!

– Интересный у тебя, дорогая, денежный эталон в «три» рубля! И, как мне кажется, ты им достаточно несправедливо манипулируешь. Насколько я знаю, эти твои тренинги тоже обходятся нам в «три рубля»! Вот и сэкономила бы себе на театр! – иронично замечает папа, снова прикрываясь газетой.

Но мама грозной тучей подлетает к нему, выхватывает газету и рвет ее на части:

– Экономить?! Да я уже устала на всем экономить! Я жить хочу, а не экономить!

Из «тучи» льются первые капли.

– Ну, тогда нужно было выходить замуж за какого-нибудь олигарха, а не за меня! – разводит руками отец, задетый за живое.

– Когда я выходила за тебя замуж – олигархов еще не было.

– Ну теперь-то есть! Еще не поздно, дорогая!

– Поздно! Уже поздно! Ты уже сожрал всю мою молодость, красоту и нервы!

– Не сожрал! Подавился! Застряло все это у меня в горле, дышать уже не могу!

Это – кульминация. Конечно папа немного перегнул, и я уверена, что мама сейчас разрыдается. Именно так все и происходит. Она как-то разом обмякает, теряя напор и силу, а главное размер, превращаясь в маленькую обиженную девочку и, мягко оползает в соседнее кресло, и «туча» проливается обильным дождем.

Папа стоически держится минуты три, демонстрируя всем своим видом твердость и негибкость мужского характера, а потом идет к маме извиняться. Она, конечно, отворачивается и отпихивает его рукой, но все равно понемногу успокаивается, всхлипывая все реже и реже.

Теперь можно тихонечко выбраться из кресла и беспрепятственно проскользнуть в свою комнату – мириться родители будут, как минимум, полчаса.

У себя в комнате я снова забираюсь с ногами на свою кровать и надеваю наушники. Я не слушаю музыку. Вернее, я ее слушаю гораздо реже, чем все мои сверстники. Обычно я слушаю мантры. Папа не совсем прав обвиняя маму в том, что она затаскала меня по всевозможным тренинга и семи-

нарам. Я не хожу туда из-под палки, мне самой нравится посещать все эти мероприятия со множеством приветливых и улыбчивых людей. В жизни люди улыбаются мне значительно реже, а если честно, то совсем не улыбаются. Они меня не обижают, нет, а просто не замечают. Все ведут себя так, будто меня нет в комнате, в квартире, в зале. Так, будто меня нет на планете Земля.

Я думаю, папа немного ошибается на счет меня. Я не зайчик, из которого мама старается сделать льва, я – невидимка, которая очень хочет чтобы ее заметили, разглядели, оценили. Она хочет стать хоть кем-нибудь, если не львом, то хотя бы зайчиком.

Вы скажете, что так не бывает. Что таких людей-невидимок не существует. Нет, они существуют, просто вы их не видите. Вспомните, в вашей детсадовской группе, в школе, в институте непременно был кто-то, кто тихо и незаметно сидел на пятой парте слева или на четвертой справа. Вот видите, вы даже не помните где он сидел, а главное, как его звали. Чтобы вспомнить его или ее имя нужно достать школьный альбом с фотографиями и найти фото этого человека и стукнуть себя по лбу: «Ну да! Конечно – Дина! Дина Суходольская!» Стукнуть, вспомнить, закрыть альбом и тут же забыть и имя, и фамилию.

Помимо того, что я все время думаю и прокручиваю в голове миллионы вариантов и комбинаций на всевозможные темы, совершенно не нужных среднестатистической девушке, я еще попадаю во всяческие неприятные или комические ситуации. Это у меня с детства. Вернее еще раньше. С самого моего рождения.

Все началось с того, что меня перепутали в роддоме с одним новорожденным мальчиком. То есть маме приносили кормить какого-то совершенно незнакомого малыша, а меня увозили на скрипачей каталке к его маме. По запеленатым детям совсем не понятно, кто ты – мальчик или девочка, и поэтому мама кормила чужого мальчика, нежно прижимала к груди и называла Диночкой.

Факт подмены обнаружился при выписке, когда мама решила переодеть на мне распашонку, перепеленать и закутать меня в принесенное папой розовое одеяльце. Она предельно нежно развернула ненаглядный сверток и... На ее истошный вопль сбежались все врачи, медсестры и нянечки, и быстро разродились все роженицы, даже те, кто до этой минуты никак не мог разродиться.

Когда же мне исполнилось полгода, на очередной из прогулок моя мама приглянулась молоденькому офицеру, который решил позаигрывать с ней весьма странным способом.

Зайдя в магазин, мама оставила меня, спящую в коляске, у входа, а этот шутник ничего умнее не придумал, как укатить коляску за угол, чтобы потом выйти, с веселым криком: «Опля!» вернуть ребенка и получить лавры победителя в виде благодарного поцелуя за бесценную находку. Но получил не лавры, а сумкой по мордасам. Это ещё надо сказать «спасибо» маминной подруге, которая встретила её в магазине и пыталась всячески сдержать подругу, иначе мама офицера-шутника просто убила бы.

А еще, в два годика, я умудрилась закрыть маму в туалете. Просто двигала маленьким пальчиком шпингалет, пока он не защелкнулся намертво. И вот вам ситуация: запертая в уборной мама бьется в истерике, понимая, что ее ребенок остался один на один в квартире со множеством страшных и опасных вещей – ножами и вилками, о которые можно порезаться, газовой плитой и спичками, при помощи которых можно устроить пожар или, хуже того, взрыв, и ванная комната с краном, покрутив который, точно так же как шпингалет, можно устроить наводнение или бесславно утонуть.

Все эти кошмарные мысли клубились у мамы в голове, пока она, наедине с унитазом, стучала и билась в истерике, умоляя меня «подергать пальчиком защелочку». Я была послушной девочкой и дергала защелочку, но у меня ничего не получалось. В итоге, под напором материнского инстинкта и

роящихся в ее голове ужасов, шпингалет был благополучно сорван, мама освобождена, а я обезопасена.

Конечно всех этих историй, случившихся со мной в самом нежном возрасте, я не помню. Их и много-много других, мне и многим-многим другим людям, много раз рассказывали мои родители. Как анекдоты.

Осознавать себя частью мира и помнить все, что со мной приключилась я начала лет с трех. И одну такую, осознанную, историю я вам сейчас расскажу.

Была осень. Мы с мамой стояли на остановке и ждали автобуса, чтобы ехать к врачу. Собственно говоря, автобусом меня в эту поездку и заманили. Мне редко доводилось ездить на общественном транспорте, поэтому «мы поедem туда на автобусе» звучало почти как «мы полетим с тобой на Луну».

И вот он приехал автобус, блестя огромными стеклами и фарами, и заманчиво урча невидимым желудком-мотором. Мама подвела меня к входным дверям и легонько подтолкнула вверх, я поставила правую ногу на нижнюю ступеньку автобуса, наклонив корпус, потом, усердно пыхтя, подтянула левую, выпрямилась и... И неожиданно оказалось в крошечной темноте. Исчезло все: мои ноги, автобус, люди, мама. Исчез весь мир! Меня окружала лишь густая темнота и

духота. Звуки и голоса не исчезли совсем, но улетели куда-то вдаль и, приглушившись, стали какими-то ватными. Было так страшно, как не бывало еще ни разу за мою короткую детскую жизнь. И тогда я закричала, заорала, завопила что есть мочи и стала отчаянно размахивать руками, пытаюсь разгрести эту страшную, пугающую маленьких детей, непонятно откуда взявшуюся темноту. И в ответ на мои вопли раздался ответный крик, более мощный, но не менее испуганный. Громкий и истошный. От этого крика холодело все внутри и останавливалось мое маленькое, до смерти перепуганное, сердце.

Объяснение всему произошедшему оказалось достаточно комичным. В то время в моде были женские пальто сильно расклешенные к низу. И вот я, как оказалось, поставив ногу на ступеньку автобуса и наклонившись вперед, попала под пальто, заходящей впереди меня в транспорт, модной дамы. Выпрямившись и жутко испугавшись, я начала барахтаться и орать, чем изрядно ее напугала. Не понимая, что там у нее под пальто шевелится и вопит, женщина пришла в ужас и ничего умнее не придумала, как тоже заорала во всю мощь своего взрослого голоса.

Потом, конечно, все долго и громко смеялись: тетка в модном пальто, моя мама, водитель автобуса и все пассажиры. Не смеялась только я, не в силах забыть холодный и липкий

страх от того, что весь мир в одночасье исчез, сорвавшись в безвоздушную темноту.

Честно говоря, я так и не научилась долго и громко смеяться. Как не научилась проявлять все другие человеческие эмоции. За всю жизнь я научилась лишь думать, много и путанно. И мама считает эту мою привычку самой большой проблемой в общении, поэтому и записывает меня на всевозможные коммуникативные тренинги.

Нельзя сказать, чтобы они мне совсем не помогали. Чисто теоретически, я все понимаю и принимаю, но как любит повторять наш папа: «Теория – пять, практика – два.»

У меня совсем нет друзей. И я очень от этого страдаю. Мне кажется, что людям со мной скучно, а я не хочу им себя навязывать, поэтому в компании мне проще сесть где-нибудь в уголке и остаться незамеченной, тихонечко наблюдая за всеми, а еще лучше – остаться дома, почитать что-нибудь, послушать мантры или подумать. Дома в каком-то смысле лучше. Правда, лишь в каком-то.

В этом году я закончила школу. Закончила, надо сказать, вполне пристойно и подала документы сразу в три вуза, два из которых находятся в нашем городе, а один – в другом. И в этом, другом, мне хотелось бы учиться больше всего.

Мама настаивает, чтобы я поступала на юридический, папа же говорит, что это плохая идея. Во-первых, юристов наплодилось, хоть пруд пруди, а во-вторых, работа юриста требует стройности мышления, которой я, увы, похвастаться не могу, и поэтому мне такой путанной и не организованной прямой дороги в компьютерщики. Мама возмущено кричит, что это не женская профессия и что я, сидя перед ящиком двадцать часов в сутки вконец ослепну (я не очень хорошо вижу и иногда ношу очки) и никогда не выйду замуж. А папа возражает, что судьба найдет меня и на печке, если нужно, и что на «мужском» факультете у меня, как раз-то, будет намного больше шансов найти себе мужа. О моем будущем они спорят весь последний год – часто, горячо и подолгу, а я надеваю наушники и слушаю мантры.

Кем хочу быть я, никто меня не спрашивал, а если бы спросили, то я бы ответила, что хочу быть гидом-переводчиком. Мне нравится английский язык, поездки и общение с людьми. Правда, в языке я преуспела значительно больше, чем в сфере межличностных коммуникаций, поэтому придется довольствоваться малым. Я тайком от родителей подала документы в Университет туризма, экономики и права. Именно этот вуз находится в другом городе и мне немножко страшно уезжать от родителей и начинать самостоятельную жизнь, поэтому я всю ответственность за свою судьбу

переложила на волю случая и решила, если мне придет вызов из универа, значит – я меняю свою жизнь и свое местожительство, а если нет, то остаюсь в родном городе и выбираю любой из оставшихся вузов – по маминому или папиному желанию. Честно говоря, если мне не суждено стать гидом-переводчиком, то мне все вообще равно где учиться и кем быть. Можно просто бросить жребий. Для этого у меня есть две специальные «судьбоносные» пуговицы, огромные и абсолютно одинаковые по форме и размеру, но разные по цвету. Одна синяя, вторая – красная. Когда мне нужно принять какое-нибудь важное решение, я ложу эти пуговицы в свой носок, скручиваю его и зажимаю пальцами дырку, а потом отчаянно трясу, мысленно отправляя запрос во Вселенную, затем закрываю глаза и вытаскиваю одну из пуговиц, ложу ее на ладонку и смотрю. Красный цвет пуговицы всегда означает «да», а синий, соответственно, «нет». Вот так Вселенная отвечает на мои вопросы и помогает мне принимать жизненно важные решения.

Ответ из вуза пришел. А вместе с ним пришло беспокойство. Карусель из вопросов: «Правильный ли выбор я делаю?», «Где я буду жить?», «Есть ли при универе общежитие?», «Смогу ли я найти общий язык с соседками по комнате?», «Может быть лучше снять квартиру?», «А кто ее будет оплачивать?», «Можно ли будет совмещать учебу с работой?» и, конечно, главный вопрос: «Как сказать родителям,

что я решила ехать учиться в другой город?!» закружилась в моей голове со страшной силой.

Утром мама зашла ко мне в комнату и, присев на край кровати, тронула за одеяло:

– Динюш, я вот тут подумала... Может быть папа прав, и ты сама должна принять это решение? Ведь это твоя жизнь. Не хочешь на юридический, не надо. Если душа не лежит, то не учеба будет, а сплошное мучение. А я ведь не хочу, чтобы моя девочка мучилась.

– Правда? – радостно встрепенулась я и села на кровати.

– Ну конечно правда, милая, – улыбнулась мама и уже собралась уходить, но я остановила ее неожиданным признанием.

– Тогда я тебе признаюсь, мама. Я подала документы в Университет туризма, экономики и права и буду учиться в Нанограде. Мне уже и ответ пришел.

– Что?! – мама взвивается, словно укушенная и с воплем: «Тимур, ты знаешь, что учудила твоя дочь?!» – мчится в спальню будить отца.

Она его не только будит, но и тащит ко мне сонного за рукав пижамы.

– И что учудила моя дочь? – спрашивает невозмутимый, как всегда, папа сонно-спокойным голосом.

– Она собирается нас бросить!

– Куда бросить? – не понимает отец и, похоже, окончательно просыпается.

– Не куда, а откуда, – поправляет мама не очень уверенно.

– И откуда она собирается нас бросить?

– Ни «куда» и ни «откуда»! Не путай меня! Ты пришел сюда, чтобы надо мной издеваться?! – мама вскипает быстрее электрического чайника.

– И в мыслях не было, дорогая! Я сюда вообще не приходил, меня сюда притащили, – улыбается папа как можно примирительней. Но мама примириться не хочет.

– Потому что пока тебя не притащишь и не ткнешь носом, ты ничего предпринимать не станешь! Тебе всегда и на все наплевать! – мама театрально заламывает руки, и ее глаза

наливаются слезами.

– Хорошо, я сейчас сделаю все, что нужно, только скажи – чего именно ты от меня ждешь! – вздыхает отец обреченно.

– А сам ты не догадываешься?! – всхлипывает мама и ода- ривает его полным презрения взглядом.

– А сам я не догадываюсь. Да, Лара! Вот такой я у тебя недогадливый! – приходит время вспылить папе. – Просто скажи – что я должен сделать! Просто скажи и все!

– Ты должен ее отговорить!

– Хорошо. Я ее отговорю. Если буду знать от чего, – соглашается отец.

И они снова надолго забывают обо мне, пытаюсь что-то друг дружке доказать, выяснить и в чем-то переубедить, не зная, что это совершенно бесполезно, потому что – если женщина согласна с мужчиной, значит – он прав, а если не согласна, значит – он ее муж.

Я вскакиваю с кровати, долго топчусь на месте, тщетно ожидая окончания ссоры и таки не выдерживаю.

– Мама! Папа! – ору я. – Может быть вы перестанете, наконец?!

И они перестают, одновременно впадая в ступор и уставившись на меня двумя парами самых родных на свете глаз.

Все когда-то случается впервые. За последнее время со мной таких «впервые» случилось целых два – я впервые приняла самостоятельное решение и отправила свои документы туда, куда хотела, и впервые позволила себе повысить голос. Не на родителей, а вообще. Еще никогда в жизни я ни на кого не кричала. И сейчас стою, виноватая и перепуганная, втянув голову в плечи, очень сожалея о том, что не родилась на этот свет улиткой и не имею возможности спрятаться в домике. Вся без остатка. Вместе с рожками, которые я вдруг решила показать и угрызениями совести, вцепившимися в меня в тот самый миг, как только стих мой голос.

Я стою перед родителями, поникшая и раскаявшаяся, ожидая наказания, но то, что происходит дальше, окончательно повергает меня в шок. Вместо того чтобы возмутиться, папа с мамой кидаются ко мне с радостными криками и поцелуями.

– Ура! У ребенка прорезался голос! – кричит папа, а мама тискает меня что есть силы и восклицает:

– Вот видишь, видишь! Мои гены-таки пробили себе дорогу!

– Все! Теперь можно отпускать ее учиться туда, куда она хочет, хоть в Наноград, хоть в Африку! – облегченно вздыхает папа, но мама тут же возражает:

– Куда захочет – можно. Хоть в Африку, но только не в Наноград.

– Я так и знал! – хлопает себя по бедрам отец. – Лара, сколько времени прошло, а ты все не успокоишься.

– А при чем-тут время?! Причем тут время! Это разбитое сердце время лечит, а твою безумную мать не вылечит никто, даже самые лучшие врачи!

– Лариса, заканчивай! – молнии блещут в глазах отца.

– Хорошо, я закончу! Не вопрос. Но учти – Дина поедет жить к твоей матери только через мой труп.

Теперь я попробую вам кое-что прояснить. Дело в том, что в Нанограде живет папина мама и моя бабушка – Софья Аркадьевна Суходольская, от которой меня отлучили еще

в младенчестве по причине не схожести характеров невестки и свекрови. Поженившись, папа с мамой прожили в профессорской квартире бабушкиного первого мужа, папиного отца, и моего именитого, и теперь уже покойного, дедушки менее полугода и разругались насмерть. Что именно между ними произошло, я вам сказать не смогу, ибо не посвящена в подробности внутрисемейного конфликта. Из обрывков фраз, маминых обвинений и упорного папиного молчания мною был создан жуткий образ невозможной старухи – взбалмошной, выжившей из ума и чуть не лишившей меня отца. Именно этот факт придавал сложившемуся в моем сознании образу фатальные черты нещадного монстра. В детстве мне снились кошмары, в которых то одна, грязная и черная, старуха с клюкой и бородавкой на носу, то другая – пыталась отобрать у меня папу. Старухи снились разные – одна чудовищнее другой, неизменной оставалась лишь бородавка и состояние дичайшего ужаса. Я просыпалась мокрая от слёз и желания побежать в спальню родителей и проверить присутствие отца, которого я очень сильно любила. Поначалу я так и делала – срывалась и бежала к постели отца и падала плашмя ему на грудь, обнимая что есть силы, вцеплялась в него крепко-накрепко, не отодрать. И папа не отдирал. Он брал меня на руки и относил обратно в мою комнату, повторяя всегда одни и те же слова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.